

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ В 1917 ГОДУ

Самара. Самарский государственный университет

Провозглашение советской власти в Петрограде, губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя на местах. Более того, передел власти вызвал обострение социальной напряженности в стране. Все политические силы после захвата власти большевиками сосредоточили свое внимание на крестьянских организациях, надеясь привлечь их на свою сторону. В конечном итоге окончательное решение вопроса о власти в революционной России зависело от поддержки социального большинства, которое представляло крестьянство. Учредительное собрание ведущими политическими силами рассматривалось в качестве Конституанты, которая должна была узаконить существующую власть. В такой обстановке усилились противоречия не только между демократическими и социалистическими партиями, действовавшими в русской революции, но еще больше углубился раскол среди социалистов. Этим не преминули воспользоваться большевики, рекрутировавшие союзников из числа левых, интернационалистов, максималистов среди эсеров и меньшевиков. В.И. Ленин впоследствии отмечал: «В решительный момент завоевания власти и создания Советской республики большевизм оказался единым. Он привлек к себе все лучшие из близких ему течений социалистической мысли» [1].

Одновременно умеренные социалисты усилили противодействие большевикам, стремясь помешать им укрепиться во власти на местах. Они заявили о непризнании решений II Всероссийского съезда Советов и декретов народных комиссаров, выступили за сохранение власти Временного правительства до Учредительного собрания. Естественно, в такой ситуации все апеллировали к крестьянству в поисках социальной поддержки своей тактики в борьбе за власть. Большевики стремились создать советы до волостей и сел включительно. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, оказывали им противодействие. Они развернули широкую антибольшевистскую кампанию, заявляя со страниц своих центральных и местных газет: «Большевики губят родину и революцию, грабят государственную казну» [2]. В связи с приближавшимися выборами Учредительного собрания ЦК РСР, призывая крестьян голосовать за список социалистов-революционеров, разъяснял, что так они выразят «протест против большевиков, узурпировавших власть» [3].

В Поволжье, где эсеры возглавляли не только крестьянские комитеты и советы, но и местные административные органы Временного правительства, установление советской власти на местах вызвало еще большее сопротивление антибольшевистских политических сил, чем в центре. Чтобы не допустить распространения советской власти в губернии, самарские эсеры развернули мощную контрпропаганду в ответ на организационно-административные мероприятия Ревкома. «Большевики, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы..., всячески поносят меньшевиков и эсеров..., стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее – полувекового борца за народ – в предательстве» [4], – заявляли они. Им вторили меньшевики, обвинявшие большевиков в демагогических обещаниях: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелье и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот... отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой» [5]. Аналогичная ситуация складывалась в Саратовской губернии, где эсеры попытались опереться на крестьян в борьбе с большевиками [6], провозгласившими советскую власть.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где влияние большевиков было незначительным, эсеры вели превентивную антибольшевистскую агитацию. Они призывали проголосовавших за них крестьян «быть наготове к активной защите Учредительного собрания от посягательства на его верховную волю» [7]. Земские самоуправления также заявляли протесты «насилию большевиков, игнорировавших мнение всей России и повсеместно внедрявших советы вместо земств и дум» [8]. Впрочем, там, где советская власть была угрожающей перспективой, а не реальностью, земства не особенно вникали в перипетии борьбы политических партий за власть, занимаясь текущими организационно-хозяйственными делами [9].

Необходимо отметить, что первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: «...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут «выступать», «громить», «захватывать»...» [10]. Однако сопротивление дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию советов, способствовало изменению позиций большевиков к органам местного самоуправления. Не сложились в Поволжье, как в некоторых окраинных и даже центральных губерниях страны, коалиционные советско-земско-думские органы власти, умеренно-социалистические по своей политической ориентации [11].

В тех губерниях Поволжья, где для большевиков сложилась неблагоприятная расстановка политических сил в октябре-ноябре 1917 года, им тем не менее удалось склонить на свою сторону сначала советы рабочих и солдатских депутатов, а затем расколоть советы крестьянских депутатов. Таким образом была предотвращена возможность создания антибольшевистской коалиции дум, земств и советов в Симбирске и Пензе. Произошло это из-за непримиримости умеренных социалистов, не желавших перехода власти к советам даже на коалиционной основе и стремившихся сохранить административные органы Временного правительства до Учредительного собрания. Таким путем эсеры стремились вернуть себе власть. Накануне выборов в Учредительное собрание эсеры убеждали голосовать за свою партию как единственного защитника народа не только от большевиков, «посягнувших на свободное волеизъявление граждан», но и от «кадетов, не являвшихся социалистами» [12].

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнительный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего «восстановления законного Временного правительства» [13]. II Всероссийский крестьянский съезд избрал новый состав ЦИК, который совместно со ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва должен был провести в жизнь его постановления. Здесь же окончательно оформился раскол партии социалистов-революционеров.

Очередные губернские крестьянские съезды, созывавшиеся в Поволжье в ноябре-декабре 1917 года, решали, как и всероссийский, прежде всего вопрос об организации новой власти на местах. Эсеры, монополизировавшие в регионе руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не могли. Так губернские крестьянские съезды стали ареной яростного противоборства радикальных и умеренных политических сил, отстаивавших принципиально различные формы осуществления политической власти. В охваченном крестьянской войной за землю Поволжье победить могли лишь радикальные политические силы, но делегатов съездов предстояло убедить в преимуществах той формы власти, которые они предлагали.

Крестьянская поддержка тех или иных политических сил по-прежнему зависела от того, как они решали вопрос о земле. На II Всероссийском крестьянском съезде Б.Д. Камков от имени фракции левых эсеров обвинил Исполком Совета крестьянских депутатов в том, что он «будучи у власти тормозил решение земельного вопроса» [14]. В.М. Чернов, сотруд-

начивший с крестьянским советом, будучи министром земледелия Временного правительства, наоборот оправдывал его действия. Возмущаясь «вероломными и насильственными действиями большевиков», он признался, что «к декрету о земле ЦИК пришлось лишь приложить свой штампель, так как решение было принято без них» [15]. В ответ на разброд среди эсеров «большевик Володарский заявил, что они выйдут победителями и учредят в России республику рабочих, крестьян и всего трудового народа» [16].

Земельный вопрос стал решающим в политической ориентации поволжского крестьянства, в то время как советы крестьянских депутатов стремились использовать крестьянские съезды для протестов против захвата власти большевиками. В связи с этим не только в центре, но и на местах организационно оформился раскол в партии эсеров. Так, на III Саратовском губернском крестьянском съезде из эсеровской организации выделилась самостоятельная группа левых эсеров, которая объявила, что будет работать вместе с большевиками «по строительству новой жизни» [17].

Однако там, где не только большевики, но и противостоящие им умеренные социалисты были хорошо организованы, установление советской власти в деревне обострило политическую борьбу. Некоторые губернские советы крестьянских депутатов пытались предпринять конкретные действия по восстановлению местных органов власти Временного правительства. При этом они отводили земствам роль организаторов крестьянских обществ, противопоставляя их как низовым комитетам, так и образовавшимся волостным советам. В этом отношении показательна борьба за крестьянство и, следовательно, за власть в деревне, которая развернулась в Самарской губернии полтора месяца спустя после провозглашения здесь советской власти.

5-9 декабря 1917 г. состоялся IV Самарский губернский крестьянский съезд. В его работе приняло участие 395 делегатов [18], избранных уездными советами крестьянских депутатов и волостными земствами [19] там, где они успели сформироваться после выборов в октябре 1917 года. В ходе борьбы за власть в сельской местности функционировали самые разные структуры. В течение ноября 1917 – января 1918 гг. почти во всех уездных центрах Самарской губернии было объявлено об установлении советской власти, начался процесс ее организации в волостях и селах [20]. В то же время приступили к работе недавно избранные волостные земства, которые соперничали с местными советами. При организации волостных земств волостные комитеты, руководившие крестьянским движением в 1917 году, упразднились [21]. Советы же на первых порах включали сельские и волостные комитеты в свой состав на правах земельных отделов. По аграрному вопросу деятельность волостных земств ограничивалась сбором сведений о крестьянских наделах, выяснении нужды населения в земледельческих орудиях [22]. Они активно выступали против захвата и дележа

земель, принимали меры против расхищения лесных массивов вплоть до изъятия и продажи с аукциона похищенного [23]. Такие действия были явным диссонансом не только политике большевистской советской власти в деревне, но и обещаниям эсеровских советов крестьянских депутатов.

В южных уездах Самарской губернии, где сложилась резкая экономическая поляризация крестьянства, одновременно с установлением советской власти начался слом аппарата земского самоуправления. Николаевский уездный крестьянский съезд Самарской губернии постановил «распустить уездную земскую Управу, являющуюся только тормозом для проведения законопроектов, издаваемых в интересах трудящихся» [24]. Большевистская власть использовала такие заявления крестьянских организаций для закрепления своих позиций и пресечения любых сомнений в ее законности. Во многих селах и волостях Самарской губернии в конце 1917 – начале 1918 годов функционировали самые различные органы местного самоуправления: различные комитеты, избранные волостные земства, начавшие формировать управы. Все они были конкурентами советам и долго сосуществовать не могли.

Установление советской власти в Казанской губернии не определялось решениями очередного крестьянского съезда. Левые эсеры, стоявшие во главе крестьянской секции Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, поддержали большевиков и вопли в состав Революционного комитета еще в ходе вооруженного восстания. Однако политическая ситуация в обширном, многонациональном крае в значительной степени варьировалась по сравнению с губернским центром. В связи с этим решения III Казанского губернского крестьянского съезда координировали процесс создания системы советской власти на местах.

Выборы в Учредительное собрание окружная избирательная комиссия перенесла с 12 на 26 ноября 1917 г., а потому созыв губернского крестьянского съезда был отсрочен до 5 декабря [25]. Съезд подтвердил, что верховной властью в Казанской губернии является Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоящий из трех секций, каждая из которых автономна в своих делах.

III Казанский губернский крестьянский съезд разработал инструкцию об организации местных судов. В соответствии с ней каждая волость избирала судью, причем той национальности, которая преобладала в данной местности [26]. Структура новой власти, разработанная съездом, была представлена в наказе депутатам Учредительного собрания. Наказ призвал всех, «кому дороги завоевания революции, сплотиться вокруг революционных Советов и требует от каждого самого строгого и самого точного выполнения своих обязанностей; всем же душителям и грабителям народной революции III губернский съезд заявляет твердо и решительно, что крестьяне Казанской губернии не щадя своей жизни в любой момент встанут на защиту своих Советов, выражающих их волю, желания и чаяния»

[27]. Левые эсеры, руководившие крестьянским съездом, объявили также о поддержке постановления Казанского большевистского комитета по передаче власти советам по всей губернии [28].

В Симбирской и Пензенской губерниях, где политическое влияние большевиков было незначительным, крестьянские съезды имели еще большее значение для утверждения советской власти не только в сельской местности, но и в городах. После провозглашения власти советов в Симбирске ускорился процесс ее организации по всей губернии [29]. Например, Сенгилеевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на совместном заседании с представителями земской Управы и городской Думы объявил о взятии власти в уезде. Руководители местного самоуправления, ссылаясь на телеграмму губернского Земства с осуждением «большевистского переворота» [30], призвали крестьян оказать сопротивление установлению советской власти в сельской местности. Установление советской власти в уездах Симбирской губернии было лишь продекларировано в декабре 1917 года, а ее утверждение началось только в 1918 году.

В Пензенской губернии, где политическая активность крестьянских съездов в 1917 году была выше, чем у Советов, вопрос о власти окончательно решился только на IV губернском крестьянском съезде. Он начал свою работу 27 декабря 1917 г., после того как большевики провозгласили советскую власть в Пензе. Губернский комитет партии социалистов-революционеров призвал делегатов прервать работу съезда в связи с захватом власти большевиками. Однако поддержки большинства делегатов это предложение не нашло, после чего умеренные социалисты покинули съезд, а левые эсеры заявили о соглашении с большевиками. Вместе они констатировали, что «в деревне происходит борьба между зажиточной частью и большинством деревенской бедноты». В связи с этим они призвали «устранить господство меньшинства, в деревне этого можно достичь организацией большинства» [31].

Итак, установление советской власти в губерниях Поволжья происходило в условиях обострения политического противоборства в лагере социалистов, замешавших все посты в органах власти, самоуправления, общественных организациях. Руководство большинства советов крестьянских депутатов, состоявшее из умеренных эсеров, выступило против установления советской власти, надеясь найти поддержку в крестьянской среде. Политическая борьба в стране обострилась в связи с проблемой созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) в письмах на места и газетных статьях заявлял, что его отношение к Учредительному собранию будет зависеть от признания им советской власти, изданных ею декретов и деклараций [32]. Одновременно В.И. Ленин априори заявлял, «что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная республика с Учредительным собранием» [33].

На губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в поволжских губерниях в ноябре-декабре 1917 года, в числе других обсуждался также вопрос об отношении к Учредительному собранию. Еще до его созыва некоторые крестьянские съезды оговаривали успешную работу Учредительного собрания признанием советской власти [34], ее первых декретов, «осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций» [35]. Уездные съезды были более требовательны к будущей конституанте, чем губернские. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они признали необходимым «обновление его состава посредством перевыборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами» они постановили «считать посягательством на завоевание революции и решительно этому противодействовать» [36]. Заседавший 28 декабря 1917 г. Сенгилеевский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии потребовал «немедленного ареста тех членов Учредительного собрания, которые попали в него только благодаря неграмотности народа», и наказал «строго следить за его работой» [37].

Учредительное собрание не только не успело принять антисоветских постановлений, но, судя по стенограмме его заседаний, и не собиралось этого делать. Наоборот, оно прилагало усилия для поиска совместных согласованных решений всех партийных фракций по сложным вопросам социально-экономического и политического характера [38]. Но большевики все сделали для того, чтобы опорочить Учредительное собрание, т.к. не имели в нем большинства, в связи с чем, легитимность их власти могла быть подвергнута сомнению. Например, делегаты V Симбирского губернского крестьянского съезда, состоявшегося 20-25 января 1918 г., одобрили роспуск Учредительного собрания, заявив, что оно «выявило свою контрреволюционную сущность» [39].

Исполнительный комитет Казанского губернского Совета крестьянских депутатов постановил не только одобрить роспуск Учредительного собрания, но и напечатать «резолюцию вместе с декларацией [40] в газете и кроме того отдельной листовкой на русском, мусульманском, черемисском, чувашском языках» и разослать эти материалы в деревни для разъяснения [41]. Национальные политические силы, представлявшие половину делегатов Учредительного собрания от Казанской губернии, также раскололись. Умеренные национальные социалисты оценили политику Советского правительства несостоятельной «в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и культурно-национальное самоопределение» [42]. Левосоциалистические национальные силы заявили: «Учредилку разогнали..., потому что она шла наперекор

желаниям бедного народа..., не приняла декретов правительства... о немедленном прекращении войны, передачи власти в стране трудящимся... О запрещении буржуазии в дальнейшем грабить народ» [43]. Социальные интересы большинства довели в действиях национальной политической элиты.

На всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в Поволжье в связи с установлением советской власти в деревне, была одобрена тактика большевиков в отношении Учредительного собрания В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре-ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента» [44]. Действительно, крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одобрили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии [45], политики-эмигранты первой волны – коллективным помрачением массового сознания [46], современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу [47]. Скорее всего мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объединении [48]. Здесь были одобрены «все декреты и постановления новой народной Советской власти» [49]. Съезд подвел итог ожесточенной борьбе политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе ее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что «стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками» [50].

На III Всероссийском съезде произошло объединение советов, что привело к созданию единообразной системы советской власти. Таким образом, была законодательно оформлена новая форма российской государственности. На местах этот процесс в ряде случаев опережал центр. В Поволжье объединение советов обычно осуществлялось на губернских и

уездных крестьянских съездах, к началу работы которых приурочивались съезды советов рабочих и солдатских депутатов [51]. На объединенных заседаниях создавались совместные исполнительные органы советской власти, которые должны были выполнять директивы ВЦИК Советов «по коренной ломке старых буржуазно-бюрократических учреждений, полном разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения» [52]. В Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Всероссийского крестьянского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях на основе его решений в январе 1918 года.

В течение января-марта 1918 года в Поволжье завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских советов. Первоначально большинство советов, взяв власть, пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность «ведением хозяйственной части» [53] под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что «политическим строем ведают советы» [54]. После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усиливается тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур [55]. По инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти.

Большевики, добившись власти через советы, стремились предотвратить неизбежную для них конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Губернские, уездные съезды советов и даже их исполкомы принимали постановления по унификации власти в пределах своего ведения. В соответствии с решениями III Всероссийского съезда Советов на местах реорганизовывали «земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств в отделы народного сельского хозяйства при советах» [56]. На практике чаще всего реорганизация превращалась в ликвидацию земств [57] и утрату их опыта организации сельского самоуправления.

Еще меньше советы церемонились с думами. Например, Самарский губисполком 14 января 1918 г. принял «Декрет о власти в губернии», объявив Совет единственной властью и распустив все органы городского и земского самоуправления. Вслед за этим был утвержден проект организации Самарского Совнархоза, которому передавались все функции упраздненной городской управы [58]. Там, где земства и думы пытались протестовать против актов насилия, они попросту разгонялись вооруженными красногвардейскими отрядами» [59].

Для организованной ликвидации не только земств, но и разнообразных крестьянских комитетов, действовавших при Временном правительстве, большевики также использовали крестьянские съезды. Так, крестьян-

ская секция Саратовского Губисполкома 7 января 1918 г. приняла решение о созыве уездных крестьянских съездов с целью установления советской власти и ликвидации земства [60]. На состоявшихся уездных съездах были объединены советы, которым передавалась вся полнота власти, приняты решения об организации волостных и сельских советов там, где их еще не было, ликвидации уездных и волостных земств [61]. В тех местностях, где советы были уже организованы, после III Всероссийского съезда Советов «приступили к перевыборам советов, привлекая солдат, отпускаемых из армии» [62]. Раньше всех этот процесс начался в Казанской губернии, т.к. здесь не только большевики, но и левые эсеры активно участвовали в вытеснении из уездных советов эсеров умеренного направления. Необходимость перевыборов уездные крестьянские съезды мотивировали тем, что в них «много эсеров», которые «на словах поддерживали Советы, а на деле вели агитацию против большевиков» [63]. Земства, по мнению делегатов съезда, были «антидемократичны по своему составу» [64] и распускались их решениями.

Сложнее в сельской местности Поволжья происходило преобразование земельных комитетов, которые должны были стать структурными отделами местных советов. Земельные комитеты в отличие от советов были общесловесными учреждениями и не могли быть включены в систему власти диктатуры пролетариата. В.Н. Гинев детально проанализировал перипетии достижения компромиссов между большевиками и левыми эсерами по этому вопросу [65]. Против «разрушения земельных комитетов» решительно выступил ЦК ПСР [66], усмотревший в наступлении на низовые крестьянские комитеты ущемление организационных и идейных принципов народничества. Все аграрные проекты социалистов-революционеров от создания партии по 1917 год включительно предусматривали социализацию земли через специальные органы крестьянского самоуправления [67].

После разгона Учредительного собрания умеренные социалисты уже не имели рычагов влияния на ход событий не только в центре, но и в провинции. Левые эсеры из конъюнктурных соображений поддержали большевиков и по вопросу о реорганизации земельных комитетов. Крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в январе-марте 1918 года, повсеместно поддержали унифицированную систему советской власти без каких-либо местных особенностей [68]. Из национальных политических сил в советское строительство были допущены лишь леворадикальные социалисты [69]. Многообразие демократических общественно-политических структур, функционировавших при Временном правительстве, с установлением советской власти в сельской местности было ликвидировано.

Подводя итоги организации системы советской власти на местах, необходимо выделить основные тактические приемы, примененные большевиками и обеспечившие им успех в борьбе с другими претендентами на государственное управление. Общенациональный кризис, достигший в

России осенью 1917 года своего апогея, связывался большевиками исключительно с «антинародной» политикой Временного правительства и сотрудничавшими с ним демократическими и умеренно-социалистическими партиями и объединениями. В связи с этим они в первую очередь стремились дискредитировать эсеровское руководство советов крестьянских депутатов, выступивших против узурпации власти большевиками в октябре 1917 года.

Декреты II Всероссийского съезда Советов широко пропагандировались в большевистской печати, на митингах, собраниях, крестьянских съездах. В уездные города и села были посланы агитаторы преимущественно из демобилизованных или самовольно покинувших свои части большевистски настроенных солдат. В связи с организационным оформлением раскола в партии эсеров и поддержкой левыми эсерами основных мероприятий советской власти периода ее установления создалась возможность расширения социальной базы большевистских преобразований. Не нашла достаточной поддержки рабочих, солдат и крестьян и довольно популярная прежде идея о том, что только Учредительное собрание может решить вопрос о будущем государственном устройстве России. Позиции большинства низовых советов, комитетов, съездов выразились в заявлениях о том, что Учредительное собрание должно утвердить советскую власть и все ее декреты. Разгон большевиками Российской Конституанты на местах был встречен равнодушно, т.к. насущные социальные задачи, выдвинутые в революции, советская власть провозгласила раньше.

Литература

1. Ленин В.И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 216.
2. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – Петроград. – 1917. – 4 ноября.
3. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
4. Земля и воля. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
5. Городской вестник. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
6. 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957. – С. 242.
7. Симбирское слово. 1917. – 29 ноября.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1781. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 1. Д. 681. Л. 63-65.
10. Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 28 октября.
11. Вронский О.Г., Щагин Э.М. Большевистский режим и крестьянство России в 1917-1920 гг // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994. – С. 178.

12. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
13. ГАРФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.
14. Дело народа. – Петроград. – 1917. – 1 декабря.
15. Там же.
16. Там же.
17. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов – С. 169.
18. Солдат, рабочий и крестьянин. – Самара. – 1917. – 13 декабря.
19. Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
20. Семьянинов В.П. Установление Советской власти в Средневолжской деревне. – Саратов, 1976. – С. 12-13.
21. ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
22. ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
23. ГАСамО. Ф.Р.-3131. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.
24. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3753. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
25. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
26. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.
27. Крестьянская газета. – Казань. – 1917. – 12 декабря.
28. НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
29. В Симбирской губернии только в Сызрани советская власть была провозглашена раньше, где Совет принял решение использовать делегатов II Всероссийского съезда Советов, рабочих и солдат гарнизона для агитации в селах уезда и соседних губерниях Поволжья. – См.: Октябрь в Поволжье. – С. 241-242.
30. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 875. Л. 4.
31. Известия Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – Пенза. – 1918. – 5 января.
32. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. – Л., 1976. – С. 312.
33. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 162.
34. ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.
35. ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 202.
36. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
37. ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 221. Л. 3.
38. Протасов ЛГ. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. – С. 309-310.
39. ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 223. Л. 8.

40. Имеется в виду «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

41. НА РГ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

42. Цит. по: Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов. – С. 159.

43. Там же. – С. 160.

44. Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 43.

45. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917-1918. – М., 1987. – С. 281; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. – Л., 1976. – С. 348; Минц И.И. История Великого Октября. – М., 1977. – Т. 3. – С. 829; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. – М., 1967. – Т. 1. – С. 350 и др.

46. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М., 1991. – С. 177; Записки белогвардейца лейтенанта N.N. // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 10. – С. 62 и др.

47. Булдаков В.П. Красная смута... С. 183; Леонов С.В. Рождение советской империи... – С. 159; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание... – С. 224; Красильников В.А. Вдгонку за прошедшим веком. – М., 1998. – С. 57.

48. Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1974. – С. 88.

49. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

50. Наш путь. – Пенза. 1917. 19 декабря.

51. См. подробнее: Кабытова Н.Н. Роль крестьянских съездов в объединении советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов // Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье. – Куйбышев, 1986. – С. 90-96.

52. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

53. ГАИО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

54. Там же.

55. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922. М., 1977. – С. 149.

56. ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 216.

57. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. – С. 234.

58. Самарская летопись. – Самара, 1997. – Т. 3. – С.

59. Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. С. 170-171.

60. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 194.

61. Там же. – С. 194-206.

62. НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

63. НА РГ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

64. Там же. Л. 55.

65. Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. – Л., 1977. – С. 275-280.

66. НА РТ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

67. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. – М., 1997. – С. 128.

68. ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133; ГАУО. Ф.Р.-200. Оп. 2. Д. 1. Л. 5; НА РТ. Ф. 2648. Оп. 2. Д. 17. Л. 3; СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 207. Л. 72 об; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 207-208.

69. Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов – Казань, 1977. – С. 163-164; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. Казань, 1995. – С. 41.